

Номинация: пьесы малого формата и экспериментальные тексты для театра

РЫБИЙ КЛЕЙ

Пьеса в одном действии

Действующие лица

Лиза, 23 года

Павел Петрович Розенталь, 54

Петя, 25 лет

Алена, 30

Жанна Олеговна, 46 лет
Картина первая

Посыльный, 21 год, рыжий малый

Жаркий июльский день. Небольшая, аккуратненькая квартира в типовой хрущёвке. Лиза сидит на стульчике в прихожей рядом с телефоном. На ней надет фартук, в руке тряпка для протирания пыли. Девушка сидит неподвижно, взгляд её неопределённо устремлён в пространство.

ЛИЗА. И хоть бы одна живая душа вспомнила, дала о себе знать. Сидишь весь день, готовишься – и хоть бы хны. (Смотрит тоскливо на запылённый диск телефонного аппарата.) Друзья в соцсетях! Стоит поменять дату рождения в профиле, и никто даже не вспомнит о твоём существовании. (Наигранным голосом.) Вы на один год приблизились к вечности, поздравляем! (Обычным голосом.) Ха! А, да ну вас всех!

Обводит комнату взглядом.

И кому это надо – разгребать весь этот хлам, перетаскивать его из одной кучки в другую?.. А, ладно, всё равно, почему бы и нет.

Встаёт, стряхивает с зеркала лишнюю пыль, смотрится в зеркало на стене, поправляет фартук.

Резкий звонок в дверь. Лиза скомкивает тряпку, подходит к двери, смотрит в глазок, открывает. Появляется посыльный, рыжий малый в бейсболке.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Здравствуйте, это Вы – Иванова Е. Д.?

ЛИЗА. Да, а что...

ПОСЫЛЬНЫЙ. Фу, повезло. Хоть кого-то застал. В такую жару, видать, все поуждали по деревням-дачам, никого не застанешь. Слава Богу, Вы тут. Вот, распишитесь здесь и тут, под своей фамилией.

ЛИЗА (расписываясь машинально). А за что расписаться-то?

ПОСЫЛЬНЫЙ. Как? На Ваше имя пакет, вот, получите.

Вручает ей свёрток, обёрнутый красной лентой.

ЛИЗА. Да?.. Я не ждала... Спасибо.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Ну, не за что, ладно, мне пора, ещё куча заказов на сегодня, до скорого!
(Убегает.)

ЛИЗА. Всего доброго!..

Она медленно закрывает дверь, задумчиво глядя на пакет у себя в руках. Разворачивает его, изнутри выпадает обычная картонная карточка, на которой написано: «С Днём Рождения!».

Лиза (подняла карточку, читает). «С Днём Рождения». Ни подписи, ничего. Очень оригинально.

Достаёт из обёртки упаковку чего-то непонятного с надписями на английском языке. Вертит её в руках.

«Fish glue, finest selection». Рыбий клей. Клей из рыб. Клей для рыб? Что ещё такое?

Опять звонок в дверь. Лиза от неожиданности вздрагивает. Подходит, открывает дверь. На пороге стоит высокий молодой человек с блуждающей улыбкой, модно подстриженный, взгляд открытый, немного смущённый. Это Петя. Вид его вызывает доверие, несмотря на то, что создаёт общее впечатление бродячего велосипедиста: фирменные кеды стоптаны, брюки мятые, со складками, белая рубашка с вяло лежащим воротником. Зелёнькая жилетка в ромбик довершает сей ансамбль. У молодого человека при себе два чемодана и выдавший виды рюкзак.

ПЕТЯ. Добрый день. Извините, пожалуйста, за беспокойство. Я в 27 квартиру, но там никто не открывает. Я бы хотел от Вас позвонить.

ЛИЗА (слегка удивлённо). Да... да, конечно, вот, держите.

Берёт с тумбочки телефонный аппарат, передаёт Пете, попутно протирая диск и трубку тряпкой.

Петя ставит рюкзак на пол, начинает набирать номер.

ПЕТЯ. Так, попробуем. Пятьдесят восемь, тридцать два... а дальше то ли семнадцать, то ли двадцать семь... (Лизе.) Я просто давно тут не был. Только с самолёта, к бабке прилетел, и вот... Думал, ждут. Телефона ни одного не помню, дядин только. Длинные гудки. Не судьба.

ЛИЗА. Так Вы внук Клавдии Семёновны?

ПЕТЯ. Да.

ЛИЗА. Что-то я Вас не помню, никогда Вас раньше не видела.

ПЕТЯ. Ну, может где-то мы и встречались...

Видит в Лизином кармане красную ленточку и обёртку, смущается.

Ну, так я пойду? Может, хоть дядю Пашу на работе застану.

ЛИЗА. Стойте, вещи-то Вы куда денете? Хотите, оставьте их пока здесь.

ПЕТЯ. А можно? Удобно ли, не знаю... Кстати, меня зовут Петя.

ЛИЗА. Лиза, очень приятно.

ПЕТЯ. Мне тоже очень приятно, если можно, я всё-таки бы бросил у Вас свои вещички, а то всё как-то сегодня вверх дном. Весь день на ногах, то рейс задержали, то в самолёт не пустили – я из Лондона летел.

ЛИЗА. О... неблизкий путь. Как Вас забросило.

ПЕТЯ. Я там с двенадцати лет жил.

ЛИЗА. Надо же. Интересно, должно быть...

ПЕТЯ. Не особо. (вносит вещи.)

ЛИЗА. Я дома весь день, заходите, как разберётесь.

ПЕТЯ. Спасибо Вам огромное, скоро, надеюсь, заскочу.

Спускается по лестнице.

ЛИЗА. Пока.

Закрывает дверь.

Эх, Лондон, (поёт.) я уеду жить в Лондон!..

Картина вторая

Лиза на кухне, в фартуке, готовит блюда к праздничному столу. Жанна Олеговна открывает дверь ключом, кидает сумку и летний плащ на табурет в прихожей. Проходит на кухню, попутно снимая с себя украшения и разбрасывая их куда попало.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Приветик! Что у нас есть перекусить по-быстренькому? Я сегодня в обед была такая голодная, заглотила в налоговой какую-то «Маргариту» - такая гадость, представь себе, с майонезом! Это уже какая-то Маргарита Павловна, итальянцы бы обалдели. Потом забежала к Алёнке в офис, сала с хлебом там навернула. (Садится с обиженным видом в кресло.) Чувствую себя толстой и противной. (Видит, что на неё не обращают внимания. Встаёт, подбегает к дочери.) Поэтому шас бы перехватить чего-нибудь лёгкого, вкусенького, и – вперёд! (Ухватила из тарелки красивый кусочек лосося, жуёт.)

А ты тут, наверное, села и сидела до моего прихода, как будто делать нечего? Встала только? Время – два.

ЛИЗА (отвлеклась от нарезки салата, смотрит на мать). Да нет, я вообще-то с девяти на ногах, прибиралась. (Про себя): Кто, если не я. (Жанне Олеговне) Зачем тебе вся эта дрянь на полке в большой комнате?

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Это не дрянь, это подарки моих коллег со старой работы, сувениры из путешествий... и даже нелепый подарок от твоего отца, неуклюжая попытка примирения – пластмассовые лебеди с золотой гравировкой. (Смеётся.) (Перебирает безделушки, подошла к полке.) Вот это нам дарили на Восьмое марта, это – мне на юбилей, вон то – на Новый год.

ЛИЗА (тихо). Всё тлен.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Что? Мне никто не звонил, не заходил?

ЛИЗА. Приходили. Ко мне.

ЖАННА ОЛЕГОВНА (взяла фарфоровую балерину с полки, увлечённо разглядывает её юбку). Да?.. Что, поздравили?

ЛИЗА. Как сказать.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Да, кстати, что там за мусор лежит на тумбочке в прихожей? Выкинь и вытри, праздник же. Скоро гости придут. Алёнка, Ольга Денисовна. Ты знаешь, мы с ней кое-что затеваем... одно общее предприятие (подмигивает). Павел Петрович обещал заскочить, да...(поправляет причёску в зеркале.), мой коллега по Новопышминскому заводу, ты его ещё не знаешь. Так что чтобы к пяти всё было чику-пуки!

Я побегу, надо ещё забрать доки у одного дядьки. Бай! Цветы от бабушки поставь в вазу. (Убегает.)

Картина третья

Четыре часа дня. Лиза в своей комнате. Раскрыла платяной шкаф, изучает содержимое.

ЛИЗА. Столько всего, а надеть нечего. Цивильной одежды нет совсем. Ладно хоть бабушка не придёт, а этих можно и пошокировать, всё равно не заметят. Оранжевое – нет, синее – сколько можно, зелёное – как-то не по фен-шую. Видимо, пришло твоё время (достаёт белый наряд, вешает его на ручку шкафа. Идёт ставить чайник.)

Звонок в дверь через какое-то время.

Что так рано-то?

Бежит открывать.

Кто?

ПЕТЯ. Это Петя, помните?

ЛИЗА. А, сейчас, подождите минутку.

Бежит к шкафу, наспех надевает кимоно, открывает дверь.

ПЕТЯ. Как оригинально, Вам идёт. Извините, это снова я.

ЛИЗА. Спасибо. Ну как, успешно ходили?

ПЕТЯ. Да нет, ничего такого. На работе нет никого, а бабка так и не открывает. Забыла, видать. На базар ушла.

ЛИЗА. Ну что, заходите тогда, у меня тут чай. Как раз закипает.

ПЕТЯ. Ну, спасибо, что пригласили. Можно и у вас подождать. А через время сходить ещё раз проверить.

ЛИЗА. Через время?

ПЕТЯ. Через время, попозже.

Проходят на кухню.

ЛИЗА. Вам какой – Дарджилинг, Сенчу, Гиактуру, «Слезу дракона», «Английский завтрак»?

ПЕТЯ. Что угодно, только не «Английский завтрак». И не «Эрл Грэй». Благодарствую. (Смеётся.)

Девушка разливает чай, садится напротив Пети за кухонным столом.

ЛИЗА. Ой, а расскажите, как там за границей, а то я никогда не была. А правда, что англичане пьют чай в пять часов?

ПЕТЯ. Кто-то пьёт, кто-то нет. Мы сейчас тоже пьём, а время почти пять. Хоть и не в Англии. Но вообще-то это всё отголоски давно ушедшего прошлого.

ЛИЗА. Как? А как же классическая картина: британский пэр, выпивающий чашечку чая и бокал бренди после вечернего выгула кокер-спаниеля в сезон королевской охоты?

ПЕТЯ. Бренди только и осталось. Это да, пьют как лошади.

ЛИЗА. Да ладно? А как же английская сдержанность?

ПЕТЯ. Да что там английского? Живут одни китайцы да индусы. Кругом запах карри и кальянов. Нагрузятся выше ватерлинии и начинают куралесить.

Девчонки лежат на улицах прямо рядом с дорогими автосалонами, в мини-юбках, на каблуках, тушь течёт... плачут, блюют. Зовут кого-то. Грустно смотреть, закат цивилизации.

ЛИЗА. Какой кошмар, а я-то думала, леди. Но ведь и там же должно быть что-то хорошее?

ПЕТЯ. Хорошее – это не там. Даже чай. Такого, как у нас, нигде больше нет. А всё потому, что пьют его из блюдца, вот и вкусно. Сахар за щеку возьмёшь, из блюдца потягиваешь – красота!

ЛИЗА. Ну... не знаю, я в основном китайский пью.

ПЕТЯ. Да? Зачем? Странно.

ЛИЗА. Просветляет, окрыляет, вот этот мне бабушка сегодня подарила. Вообще-то у меня сегодня день рождения. Сейчас гости придут, оставайся и ты.

ПЕТЯ. Поздравляю, подарок за мной. Сколько тебе? Двадцать три?

ЛИЗА. Двадцать четыре.

ПЕТЯ (тихо). Правильно, двадцать четыре.

Звонок в дверь.

ЛИЗА. О, пришли, проходи в комнату, я пока открою.

Идёт открывает дверь, заходят Алёна, Жанна Олеговна и Павел Петрович.

РОЗЕНТАЛЬ. А я вот за девчонками заехал, дай, думаю, заскочу в офис, а они как раз там, такси вызывают!

АЛЁНА. Павел Петрович, что бы мы без Вас делали!

РОЗЕНТАЛЬ. А вот это Вам, Лизонька. (протягивает букет красных роз, наклоняется поцеловать её в щеку.)

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Ну, Павел Петрович, ловелас. Только через порог, уже к девушке лезет.

РОЗЕНТАЛЬ. Такая у Вас красивая дочь, Жанна Олеговна, вы с ней прям как сёстры.

ЛИЗА. Спасибо.

АЛЁНА (Лизе). На вот, держи, это палантин, мне привезли из Индии, тебе должно понравиться, носи аккуратно. С Днём рождения.

ЛИЗА. Спасибо.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Ну что, давайте рассаживаться. (Лизе.) Чем удивлять будешь, хозяйшюкка? (Остальным) Проходите, проходите.

ЛИЗА. Да так, всего понемногу.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Она у меня скромная. (Смеётся.)

РОЗЕНТАЛЬ. Скромность – главное украшение женщины.

АЛЁНА. Особенно в таком возрасте.

Сели за стол.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Ну что, пока ждём горячее, может, отметим очередной этап в жизни моей дочери? (Тянет руку к шампанскому.)

РОЗЕНТАЛЬ. Нет, Жанна Олеговна, пока за этим столом сидит мужчина, дамы сами не притронутся к бутылке. (Жанне Олеговне, Алёне.) Могу я предложить вам шампанского?

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Конечно, конечно.

АЛЁНА. Вы так галантны.

Гости пьют. Пить они будут понемногу в течение всей картины.

Лиза выходит из своей комнаты, садится за стол, теперь у неё на лбу блестящая страза – бинди.*

РОЗЕНТАЛЬ. Что это у Вас за дивное украшение, молодая леди?

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Что это у тебя там блестит?

ЛИЗА. Ничего особенного, просто украшение.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Убери это сейчас же.

АЛЁНА (посмеиваясь). Вполне оригинально, по-китайски, зачем же.

Из кухни выходит Петя, он там следил за процессом готовки.

ПЕТЯ. Утка почти готова. Скоро можно будет подавать.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Кто это?

ПЕТЯ. Здравствуйте, меня зовут Петя. Я приехал к Клавдии Семёновне, я её внук.

АЛЁНА. Очень приятно. Прошу, присоединяйтесь к нам (отодвигает стул рядом с собой.)

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Да, пожалуйста, присаживайтесь. Откуда приехали?

* - Бинди - знак правды, цветная точка, которую индианки рисуют в центре лба, либо украшение, помещённое там же, так называемый «третий глаз». В Индии традиционно бинди носят только замужние женщины. В Европе это стало обычным модным украшением.

ПЕТЯ. Из Англии.

АЛЁНА. Вот те раз.

РОЗЕНТАЛЬ. Будем знакомы, Розенталь, Павел Петрович.

ПЕТЯ. Неуймин (садится на предложенный стул. Отпивает свой чай.). Бинди – это не китайское, а индийское украшение. И, хотя его носят только замужние женщины, с кимоно оно смотрится ещё более странно.

ЛИЗА. А мне нравится!

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Пожалуйста, пожалуйста. Не обращайтесь внимания, нынешняя молодёжь такая странная, сама не знает, чего хочет.

АЛЁНА. Особенно философическая.

ЛИЗА. Вообще-то я училась на востоковедении, а не на философском.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. У Лизы красный диплом. Она очень хорошо училась в школе, окончила с золотой медалью. Вступительные сдала лучше всех, стипендию получала. У нас всё всегда было правильно, хорошо. Но дети, они же такие – создаёшь им все условия, а они занимается потом всякой хиромантией, как её папа, всю жизнь в НИИ своём проторчал.

РОЗЕНТАЛЬ. Да, нынешнее поколение – все философы. Как говорили древние, ergo sum. Будто про нас сказано.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Ну, уж мы-то таким не были. Я, когда из деревни приехала, сидела, училась целыми днями, только в книжку смотрела, перерыв – на сон и на обед. Бенефициарий, коносамент - я и слов-то таких никогда не слышала, ничего не

понимала, сидела по три раза строчку перечитывала, вникала. Потом когда осталась одна, с ребёнком на руках, тоже ни о чём таком не думала. Чуть постарше Лизки была, но хотела чего-то, добивалась, и вот результат (обводит взглядом комнату). Ни от кого не зависела. А эти все инфантильные какие-то.

Небольшая пауза.

ПЕТЯ. А за границей вот чай не такой вкусный, как у нас.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. О, Вы же были за границей! Рассказывайте, интересно, всю жизнь мечтала съездить.

ПЕТЯ. Да, ничего особенного, королева на месте, Тауэр в порядке. А вообще человеку, конечно, лучше там, где его дом, родные. Нужно слушать своё сердце, ехать туда, где тот, кого любишь. От себя не убежишь. Вот и всё. Иначе слоняешься без дела, сам себе не рад.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Дорого там поди? Денег кучу оставили? В картинную галерею ходили?

РОЗЕНТАЛЬ. Да какая галерея, что у них там может быть, Жанна Олеговна. В каждой культуре есть своя культура бескультурия. У них же из еды только картошка фри да минтай в панировке. То ли дело я. Заглядывают ко мне на днях гости нежданные, ну, думаю, куда их девать. В холодильнике нет ничего, половинка только завядшего ананаса завалилась да веточка розмаринчика. Ну ничего, достал из морозилки мясо, положил на каждый кусочек по ананасику и!.. сверху посыпал сахарком, розмарину этого сверху понавтыкал – долго хвалили, рецепт выпрашивали!

ЖАННА ОЛЕГОВНА (отпивая из бокала). Ты ж прям скажешь, Пал Петрович, ёксель-моксель, у всех прямо дома ананасы в шампанском так и лежат!

РОЗЕНТАЛЬ. У всех – не у всех, но, будем говорить, если есть голова на плечах, и не то сумеешь. (Алёне.) Вам ещё шампанского, Алёнушка?

АЛЁНА. Можно.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Представляете, какую гадость я нашла в коридоре. Говорила же Лизке, убери, сейчас смотрю, всё ещё лежит. Коробочка такая маленькая, из неё сыпется какая-то шелуха, хотела в ведро выбросить, переворачиваю а там какая-то надпись на английском.

ЛИЗА. Это мне подарили.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Ахахахаха! Доченька-то у меня шутница выросла.

ЛИЗА. Нет, правда, это мой подарок.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. От кого же? От молодого человека? (Смеётся.)

ЛИЗА. Вполне может быть.

РОЗЕНТАЛЬ. На английском, да, в чём же дело, у нас ведь тут есть целый специалист по английским языкам. Лингва инкогнита. Переведите, молодой человек!

АЛЁНА (Лизе). Ну, что сидишь, неси.

Лиза поспешно встаёт, идёт в коридор, приносит коробку с клеем, протягивает Павлу Петровичу.

РОЗЕНТАЛЬ. Любопытно, любопытно. «Мейд ин...» Не разглядеть без очков... Давайте лучше Вы, молодой человек. Что ж... Будем говорить, нестандартный подарок... весьма.

ПЕТЯ. (Берет у Розенталя коробку, почти сразу, не глядя на неё) Это рыбий клей. Насколько мне известно, достаточно дорогой, хотя в России не очень ценится, но делается из наших рыб, и продаётся за границу. Хотя его сложно достать даже в Англии, пришлось пройти аж до Сити-роуд... (замолкает, смотрит, заметил ли кто-нибудь его последние слова. Никто не заметил, продолжает.) Часто мы покупаем продукцию, содержащую этот клей, сами не догадываясь об этом. Например, в швейцарских конфетах или бельгийском пиве. Вот так нам же наше возвращают, только в три раза дороже.

РОЗЕНТАЛЬ. Да, будем говорить, не придёшь с таким не скажешь: здравствуйте, вот это вам... рыбий клей от всего сердца... в подарок, феномен.

АЛЁНА. Если этот клей правда такой дорогой, почему же мы его не используем для себя?

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Когда мы использовали что-то для себя? Мы же можем только дарить, не беря ничего взамен. Вход – рубль, выход – два.

ЛИЗА. Не знаю, что это и как, но это мой подарок, и мне было приятно, хоть и немножко... странно.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Да ладно, что ты, из-за рубежа прислана вещь, дорогая, видимо, сгодится в хозяйстве-то. Ой! Утка-то наша, наверное, там сгорела... от тоски и без внимания.

Вскакивает, бежит на кухню, за ней Лиза.

Фуу, пронесло, цела наша красавица. Подрумянилась, помолодела, пусть немного достоин, в себя придёт после баньки.

Подходят к окну, стоят около открытой форточки, обмахиваются полотенцем.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Ну и жара... Как день рождения у тебя, вечно то понос, то золотуха.

ЛИЗА. Бывало и хуже.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Кстати, ко мне тут твой Женя заходил, принёс печать. Я ему сказала, что соскучилась, обняла. Соврал, что тоже скучал.

ЛИЗА. Будь осторожна, не доверяй ему ничего важного. Он ветреный. И с чего ты решила, что он мой?

ЖАННА ОЛЕГОВНА. А разве нет? Жаль. Хороший мальчик. Ты бы присмотрелась. А этот, Петя, кто он такой? Неважно, может, нам лучше за него? Высокий, солидный, перспективный и за границей учится.

ЛИЗА. Учился.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Дождёшься, допрыгаешься, а ведь тебе уже двадцать пятый год. Я в твоём возрасте полком командовала.

ЛИЗА. Мама, давай не будем. Зачем портить карму?

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Ты права. Косноязычный он какой-то, и видок затрапезный. Брюками будто окна в женской бане мыли. И разве кто так говорит: «через время», «некоторые проблемы»? Йес, йес, офкос. Обормот. Нам не пара.

ЛИЗА. Да, мама, ты права.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Давай лучше утку доставать. Заждались уж поди.

ЛИЗА. Тебе не стоит... Давай лучше я.

Достаёт утку из печи, несёт её в комнату, мать за ней вприпляску. Всеобщими усилиями ставят блюдо на стол.

ЖАННА ОЛЕГОВНА (поёт). хороша я, хороша, да бедно одета...

Ну, что сидим, Палыч, что не наливаем? Вон дочь у меня какая мастерица – и приготовить, и постирать, и пришить, и загладить. Всем вышла, кроме одного – не может себе достойную пару подобрать. А, и ну его, а, и маленькие мы ещё. (подсаживается к Павлу Петровичу, обнимает его.) Скажи, Розенталь, ты бы мою дочь замуж взял? Взял бы? Говори. Неет, ты не отговаривайся, не отговаривайся, знаю я вас... всех знаю. На словах-то вы все сильные. Скажи, хорошая у меня дочка выросла?

РОЗЕНТАЛЬ. Жанна Павловна, Вы же меня знаете, я бы никогда не позволил себе...

ЖАННА ПАВЛОВНА. Знаю я тебя, кто ж тебя не знает! Ты же у себя в Новопопшинске главный кавалер на деревне. То с одной вы по грибы ходили, то другая тебе названивает.

РОЗЕНТАЛЬ. Полно, Жанночка, это же всё одинокие женщины, боевые подруги, мы с ними, будем говорить, культурно время проводим.

ЖАННА ПАВЛОВНА. Культурные вы нашлись, одни мы тут бескультурные, конечно, куда нам, вы-то все городские, мамы – папы у вас инженеры были, Битлз вы слушали. А я в это время с четырьмя братьями росла, одна их обстирывала, обхаживала, одна девочка на всю семью матери помогала. Самая младшая была, родители на работу уйдут – нас-то по садикам не водили – за ногу к столу привяжут, чтобы дом не подожгла, и сидишь весь день, маму ждешь, когда она придёт, с работы, покормит тебя. Ласки не видали, мать с утра встанет, повяжет на голову платок розовый, с цветочком, корову выгонит, весь день то в поле, то в совхозе, вечером придёт усталая, и всё в том же платочке, глянет на нас только – да и есть ли силы слово-то лишнее молвить? Куда нам до вас, конечно, мы во дворах на гитарах не брэнчали, за клёшами не бегали. Когда муж привёл меня знакомить со своими родными, его сестра подошла ко мне и

снисходительно так: «Как, Вы, не слышали Роллинг стоунз?» Кто б мне тогда о них рассказывал. У нас были линия партии да совет старших товарищей, и всё, вперёд. Зато сейчас я хоть завтра – в Италии, а вы сидите в своём Новопышминске и филолософствуйте о музыке.

РОЗЕНТАЛЬ. Ну Вы уж прямо из меня морального уroda делаете. Алёнушка, давайте подышим свежим воздухом.

АЛЁНА. С удовольствием. (Лизе). Где у вас тут можно (изображает курение) уединиться?

ПЕТЯ. Давайте я вам покажу.

АЛЁНА. С удовольствием (широко ему улыбаётся.)!

Петя, Алёна, Павел Петрович уходят.

ЛИЗА. Мам, не хочешь поспать? Никого нет, я скажу, что тебе завтра рано вставать.

ЖАННА ПАВЛОВНА. Ты думаешь, что мать у тебя напилась? Мать у тебя плохая, да?

ЛИЗА. Что ты, ты просто устала.

ЖАННА ПАВЛОВНА. А знаешь, как это всё достаётся? Деньги на дереве не растут, я их не печатаю. Это всё тяжкий труд, а когда никому не нужен... (начинает плакать.)

ЛИЗА. Не плачь, мам, не надо. Всё хорошо у нас с тобой. Всё будет замечательно.

ЖАННА ПАВЛОВНА. Доченька, прости маму, я ведь для тебя это всё делаю, для кого ещё. Помру я, кому всё это достанется, не с собой же заберу. Все мои проекты. Скоро у нас будет много денег, и мы всем им покажем, всем этим Розенталям, Иринам Павловнам и Ольгам Денисовным. Начнётся у нас жизнь. Эта вон обещала и не пришла. Обалдеть не встать. Заждались мы её, как же, ждём её подарков и пламенных речей. Да легче сдохнуть, чем в рай попасть! Нужны мне такие союзнички. Работнички! Обещала со мной фирму открыть по поставке подсвечников из Китая. Пришла, бизнес-план приперла, железно, говорит. Ну-ну, видать, обжелезенно. А тётя Ира – хотели керамику продавать в Тоскане: я бы работала за прилавком, а она бы втирала туристкам, как наша семья испокон веку готовила глиняные горшки на лоне итальянской гармонии. Предатели! Все кругом одни предатели. Грустно и пусто. Будто стоишь на краю бездны - тянешься-тянешься рукой зацепиться за ускользящий образ, за краешек одежды друга, который стоит на той стороне, на отломившейся скале, и до последнего веришь, что он сам возьмётся за тебя и вытянет сильной рукой. Глупая у нас жизнь, глупая...

ЛИЗА. Давай, мама, я тебе чаю принесу. Я тоже с тобой попою, представим, что мы в Китае в конце семнадцатого века.

ЖАННА ПАВЛОВНА. Всегда ты у меня фантазёркой была. Помню, когда мы с твоим папой уже расстались, приду домой с работы, смотрю, а ты залезла в нашу старую кладовку, всё там перерыла, нарядилась «по-театральному», так тогда называла, и ходишь по комнате с важным видом или пляшешь: сегодня, говоришь, я принцесса Турандот, а завтра баба Яга из Заколдованного леса. Смешная такая.

ЛИЗА. Отвлекает, дальние странствия всегда вселяли в меня надежду.

ЖАННА ПАВЛОВНА. Это точно... это правда.

Заходит Петя.

ПЕТЯ. Не помешаю?

ЖАННА ПАВЛОВНА. Нет, нет, входи, мы тут как раз о дальних странствиях рассуждали.

ПЕТЯ. Как говорят в России, лучше там, где нас нет.

ЖАННА ПАВЛОВНА. Ну как это, ты же вроде, Петя, умный парень? Почему же тебе там не понравилось?

ПЕТЯ. Считайте меня глупым, а я верю, что где родился, там и пригодился. У каждой страны свой менталитет, своя культура. Где-то всё решают деньги. Люди ходят и говорят весь день: деньги, деньги, деньги. С утра встали: деньги зовут, друзья в гости позвали: деньги совета просят, девушка приглянулась – бриллиант надо дарить, в женитьбу деньги вкладывать. У нас всё не так работает. Россия – это большая страна, здесь всегда своего богатства было много, наш глаз уже привык к такому добру, замылился, вот и не ценим. Другим отдаём, упускаем, проматываем. В нашей сущности определяющее – любовь. С утра встали, смотрим в окошко – радуемся новому дню, за дело берёмся – представляем, какую оно пользу принесёт, чью жизнь лучше сделает, ко сну отходим – благодарим этот день за всех, кого повстречали, о ком подумали и кто про нас подумал хорошо. Поэтому в своих поступках надо на любовь ориентироваться. Я прощения прошу, может, я выражаюсь неказисто и угловато, но главное – что чувствую. На Западе все вроде индивидуалисты, а индивидуальности ни у кого и нет – парадокс. Люди со всего мира, эмигранты, слушают, смотрят, едят и поют там одно и то же, китайцы, индусы – люди с великой культурой – девочки, мальчики натягивают на себя очередные конвейерные леггинсы, сделанные вьетнамскими детьми. И это называют множественностью культур, хотя на самом деле сотни и тысячи традиционных обычаев стираются по всему миру, это ужасно. Когда все думают только о себе, неизбежно становятся одинаково безликими. Только если заботишься о своих любимых, находишь свой истинный путь. Их надо оберегать и насыщать их жизнь радостью. Поэтому я здесь. Или вот, например, живёшь себе спокойно, непримечательно, и кажется, ничего в тебе интересного нет, и вдруг оказывается, что где-то далеко, на той стороне земного шара кто-то встречает и провожает рассветы с твоим именем на устах.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Что, есть кто-то на примете?

ЛИЗА. А я всегда хотела съездить в Индию, побывать на Тибете, чтобы познать своё предназначение. А вообще, я очень хотела жить в Японии.

ПЕТЯ. Нужно пройти целый мир, чтобы осознать, что эвкалипт-то рос под твоим собственным окном. Иногда это необходимо, что и показывает мой пример. Я тоже раньше стремился ко всему чужому, неизведанному, хотел стать тем, кем не был. Но теперь понял, что только будучи тем, кто ты есть на самом деле, можешь быть счастливым.

ЛИЗА. Как ты всё хорошо говоришь.

ПЕТЯ. А так всё и есть.

Из кухни появляются Алёна и Павел Петрович.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ. Ну, мы, пожалуй, пойдём. Спасибо за гостеприимство, Жанна Олеговна. Вас с Днём рождения, Лизочка. (Подходит к ней, целует руку.) Всех благ, будем говорить.

ЛИЗА. Спасибо, что зашли.

АЛЁНА (Розенталю). Да, котик, подождёшь меня внизу, я сейчас спущусь.

Розенталь откланивается, уходит.

Павлик сейчас столько всего интересного рассказывал! Они с начальником ходили на кабана прошлой осенью, и их чуть не съел медведь. Павлик говорит, они от него на дерево залезли. Он такой забавный. Ладно, я пойду, он меня ждёт там. Чао! С днём рождения, киса. Проводи меня.

Лиза идёт закрывать за ней дверь.

ЛИЗА. Вот там выключатель, за дверью.

АЛЁНА. Спасибо, дорогая. Ах, ты не представляешь, какая головная боль – эти мужчины. Подходящего не найти. За мной таскается одна голь, будто я другого и недостойна: то в театр позовут, то в закусочную копеечную, а некоторые вообще – в парк, на скамеечке посидеть. Смех и грех. А нормальные мужики, богатые, влиятельные – все женатые, с детьми, или сосунки совсем ещё зелёные. Вот хоть этот подвернулся (делает рукой знак в сторону двери), это не то чтобы шик, конечно, но у нас на работе его уважают, непонятно за что, правда, но авось пригодится. Ты-то только встала на этот путь ошибок и поражений. Ну, пока, киса, желаю тебе большего везения.

ЛИЗА. Спасибо, я подумаю.

АЛЁНА. Пока.

ЛИЗА. До свидания.

Идёт обратно в комнату. Её мама с Петей ведут оживлённую беседу.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Представляешь, мы тут сейчас выяснили, что Петон, оказывается ходил с тобой вместе в садик. Он жил прямо напротив бабушкиного старого дома, и вы даже играли с ним у нас во дворе. А однажды, когда ты потерялась, а мы пошли искать тебя ночью, тебя привёл очень серьёзный мальчик, сказал, чтобы мы не волновались, потому что он был за тебя в ответе, помнишь? Мы рассмеялись от такой важности и уже не смогли сердиться. Это был он. Не помнишь?

ЛИЗА. Как-то не сильно. (Пете.) Это что, правда?

ПЕТЯ. Ну... да.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Она ж тогда очень маленькая была, вот и не помнит. Хорошо, что вы сейчас нашлись, друзья детства, это так трогательно.

ЛИЗА. Скорее странно.

ПЕТЯ. Да ладно, велика важность, бегали вместе по двору сто лет назад. Столько воды с тех пор утекло.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Запомните, дети мои, пока я жива: дружба – это самое ценное в жизни.

ЛИЗА. Ладно, мама, мы поняли. Ты знаешь, я обещала тётё Любе занести кусок торта, она будет ждать.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Вечно твоя тётя Люба живёт надармовщину. Ну сходи, отнести нашей дорогой Дюймовочке сладенького.

ЛИЗА. Ладно, я пойду, пока ещё не совсем стемнело.

ПЕТЯ. Можно я с тобой?

ЛИЗА. Как хочешь. Вряд ли это изменит порядок мироздания.

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Давайте, давайте, кидайте мать.

ПЕТЯ. Не переживайте, я к вам ещё заскочу, надеюсь, и не раз...

ЖАННА ОЛЕГОВНА. Ну-ну, идите давайте, раз уж идёте...

ЛИЗА. Я закрою своими ключами. Не вставай. Пока.

Уходят.

Жанна Олеговна всё ещё сидит за столом. Становится заметно, что источник света в комнате только один – люстра над столом с тусклой лампочкой, выхватывающий совсем маленькую часть помещения.

ЖАННА ОЛЕГОВНА (одна). Все уходят и уходят, Приходят и снова уходят. Давайте, уходите... Может, так и правильно, может, так и нужно. Сама виновата. Чего мне ещё надо было, старой гримзе, от жизни? И муж-то у меня был, сама же я от него ушла, думала, дочь его больше любит, побороться за её привязанность хотела. Работа тоже какая-никакая. Друзья, товарищи. Никому верить нельзя. Проворонила, упустила, гналась, гналась, а не нагнать...

Затихает в сонной полудрёме, потом внезапно приходит в себя на мгновение

Ну и идите все! Выискались тут. Ничего мне от вас не надо! Живите как знаете.

Темнота

Картина четвёртая

Следующее утро. Лизина мама одна, в квартире беспорядок от вчерашнего застолья, кругом разбросаны фантики и кожура от апельсинов. Тем не менее её не раздражает этот беспорядок, он ей даже нравится своей художественностью, ей приходит мысль, что создан-то он был из-за того, что вчера у её единственной дочери был день рождения, и поэтому он кажется прекрасным, несмотря на внешний хаос. Мамы Лизы проснулась рано: её разбудил приглушённый удар в окно. Она на секунду замирает – может, послышалось – потом встаёт, настроенно идёт на звук, мимоходом её взгляд скользит

по старым обоям, оцарапанным давно умершими кошками косякам, снимкам в золочёных рамках на стене: она с дочерью и мужем, она с одной подружкой, с другой, с третьей, она в кругу мужчин и последняя фотография – они с дочерью вдвоём. Подходит к окну, стоит пару секунд в нерешительности. Распахивает тёмно-бардовую штору. Её ослепляет яркий утренний свет, через пару секунд взору предстаёт следующая картина: весь двор, насколько может ухватить взгляд, усеян розами, цветы покрывают соседние дома, крыши машин, кроны деревьев, а на этом мягком ковре лежат огромные буквы из чистого золота: Л, И, З, А.

Темнота

Занавес

Конец

Июль 2015 г., г. Екатеринбург

Примечание автора:

Рыбий клей не имеет ни запаха, ни вкуса, растворяется в теплой воде почти без остатка. Употребляется для склеивания дорогих вещиц и в гораздо большем количестве - для очистки бродящих жидкостей, точнее, для осаждения взвешенных частиц, главным образом, при приготовлении пива, вин и при изготовлении наиболее ценных сортов конфет. Упаковывается в холщовые мешки и в таком виде поступает на рынок, преимущественно за границу, где стоит дорого.

Утилизация плавательных пузырей осетров в Америке началась лишь в самое последнее время по указаниям одного поляка (из России). Кроме осетровых, Р. клей в России добывали ранее в значительном количестве из сомов, сазана и судака, но с понижением цен на клей и повышением цены на рыбу добыча эта не имеет теперь промышленного значения. Русский осетровый клей, поступающий на заграничные рынки, подвергается дальнейшей обработке в Лондоне. В таком виде клей пакуется в небольших размеров блестящие пакетики, выпускается в продажу по всему миру, в том числе в России.